

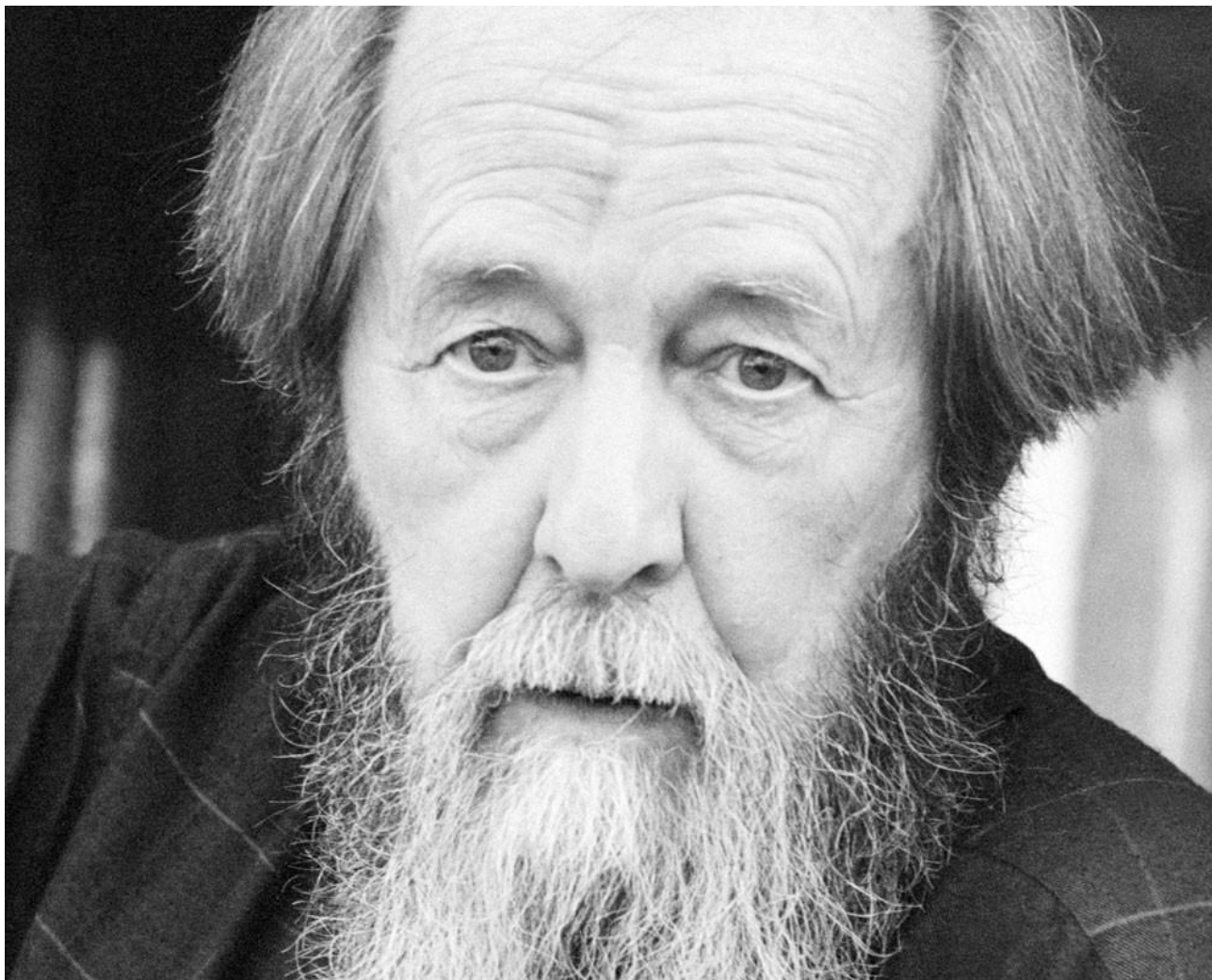
Щ-854

/один день одного зека/

*«Эту повесть обязан прочитать и выучить наизусть каждый
гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского
Союза»*

Анна Ахматова

Александр Исаевич Солженицын

Выход

Необычна судьба одиннадцатого номера журнала «Новый мир». Иные книжки толстых журналов неделями, а то и месяцами лежат в киосках «Союзпечати». А этот, как рассказывают мурманские киоскеры, был раскуплен буквально за несколько минут. В библиотеках на последний номер «Нового мира» стали занимать очереди. Что же привлекло в нем в первую очередь внимание читателей? Повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Из статьи Е. Бройдо «Такому больше никогда не бывать!»
(«Полярная правда», Мурманск, 2 декабря 1962 года).

Лагпункт — самая маленькая ячейка ГУЛАГа

Где подвиг стал обыденностью...

Иван Денисович Шухов, малограмотный, но честный и чистый крестьянин, не утративший в лагерях ни достоинства, ни человечности, ни даже трудолюбия, не создавал теорий, как интеллигенты, он даже не понимал, за что? И от этого его бессловесные и тяжкие страдания еще страшнее.

В «Одном дне», как в почке, уже содержится древо «Архипелага». За плен Ивану Денисовичу сунули десятку. Баптист Алешка 25 лет получил за молитвы. Гопчику, шестнадцатилетнему хлопчику, дали взрослый срок только за то, что он бендеровцам молоко в лес носил, а помбригадира Павло сражался в УПА против НКВД. Мы узнаем о том, как выгоняли из армии бригадира Тюрина, сына «кулака», и как он потом узнал, что его комполка и комиссар расстреляны в 1937-м.

И об эстонцах узнаем мы — что плохих людей среди них Иван Денисович не видел. И о том узнаем, что в послевоенной деревне нельзя было прокормиться, мужики, кто выжил, в красили подались; и о голодном городе Севастополе перед Ялтинским совещанием узнаем, как там для иностранцев один магазин открыли с белым хлебом, маслом и колбасой, и за полминуты туда все население сбежалось.

каторжане

Восхождение или растление?

Когда человеку больно, особенно больно впервые, душа его кричит. И чем слабее душа, тем громче кричит он сам. Но испытав многое, что поначалу казалось и перенести невозможно, он постепенно твердеет духом, потому что он — человек. И за своей болью он начинает различать и понимать боль других. И если он сильный человек, у него еще находится для других, для тех, кто слабее его, часть души. Странное дело, отдавая, ты, оказывается, приобретаешь больше. Вот с этой позиции умудренного тяжчайшими испытаниями человека написана повесть А.Солженицына.

Г. Бакланов («Литературная газета», 22 ноября 1962 года).

От света до света

Солженицын не нагромождает в своем повествовании ужасов, взяв один день, он не выбирает дня особенно ужасного. Напротив, он выбирает день, в который, по лагерным нормам, как бы не произошло ничего особенного, — день как день. Но как раз это и потрясает в его повести больше всего. Как могло случиться, что герой его повести, хороший, добрый честный русский человек Иван Денисович Шухов был обречен прожить в лагерях три тысячи шестьсот пятьдесят три дня, считая лишних три дня в високосные годы. Как могло случиться, что столько же, а то и много больше таких же лагерных дней были обречены прожить все другие герои повести, соседи Шухова по бараку, по лагерю, и бесчисленные честные люди, разделявшие их судьбу в других лагерях? Чья злая воля, чей безграничный произвол могли оторвать этих советских людей от их семей, их жизни?

К. Симонов

Слово в рассказе

Как ценно оно! Каждое из слов, словосочетаний выбрано тщательно, вдумчиво, сообразуется с общей гармонией.

«Таким образом, сложность языка повести Александра Исаевича — сложность мнимая. Язык повести прост. Но прост той отточенной и выверенной простотой, которая действительно может быть только результатом сложности — неизбежной сложности писательского труда, если этот труд честен, смел и свободен» (Татьяна Винокур).

Примеры:

«и *гордей* тебя были»,

«медленно, *внимчиво*»,

«может, сегодня меня обманули *не круто*»,

«а для других это *сласть*»,

«небо белое, аж с *сузеленью*»,

«ложкою *обтронул* кашу с краёв» и т.д.

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ, - вспоминает А. И. Солженицын в своей Нобелевской речи.

После выхода

В 1864 году (через два года после публикации) произведение было названо кощунственным и под видом развенчания культа личности дало пищу для антисоветской пропаганды. Поэтому все издания рассказа были изъяты и уничтожены.

Солженицын говорил, что если какие-то революции в будущем возможны, то они должны быть нравственными. В общем, такая нравственная революция, на самом деле, и произошла. Этой нравственной революцией оказалась его повесть. В нашем мире с ее открытым смыслом, и в то же время, с новым смыслом, христианским, она, конечно, будет и будет жить. Идея Александра Исаевича, как я ее чувствую, понимаю: что мир кончается, потому что прекращается человеческая молитва за мир, то есть сознание своей ответственности за происходящее. И последние его слова — это слова о том, что если мир погибнет и мы сами его потеряем, то в этом будем виноваты только мы. Это понятие совести как ответственности, а совести как боли за совершенный тобой грех — были главными в мировоззрении Солженицына, и он их отстаивал собственной верой, хотя выводы его о трагедии XX века кажутся безнадёжными.

Олег Павлов

«Чем жив человек»

Все вещи сказаны, сказаны жестко Солженицыным. И более того, в то время, когда эту повесть воспринимают как разоблачение сталинского деспотизма, Солженицын показывает, с другой стороны, жесткий закон лагерного выживания. В этом и поэтика вещи, когда переходит действие как бы от одной лагерной заповеди к другой, и каждая кончается «а иначедохнешь», «а иначедохнешь». Вот так вот двигается по одному дню Иван Денисович, тем жив, что их исполняет. И эти законы выживания уже диктуются не деспотизмом какой-то власти, а деспотизмом масс, самих лагерных масс, которые привело в движение только это безбожие и необходимость выжить. Это законы выживания — но не жизни. И тут возникает понятие Солженицына *«лишь бы существовать»*. Он выскажет его в целом о мире, в котором стало целью только это же: *лишь бы существовать*, как думает Иван Денисович своё — *«лишь бы не сдохнуть»*.

Выход ли?

Товарищ по ГУЛАГУ

... Так что Иван Денисович нам не посторонний, а солагерник. И есть чему у него поучиться: не быть «шакалом». Не верить, не бояться, не просить. И не стучать «куму».

Я совершенно уверена, что от солженицынского Океана останется хотя бы одна эта капля, а от потоков крови и слез, льющихся через его сочинения, одна слеза, вобравшая в себя нехитрую правду крестьянской души и великую ложь советской эпохи. Разрешивший печатать Хрущев (и, скорее всего, сам Твардовский, впоследствии решительно отвергший Шаламова) не понял, что это не про «отдельные недостатки», с которыми покончили XX и XXII съезды, что это приговор строю, идее, укладу. Спohватились только потом и не дали сгоряча обещанную Ленинскую премию.

В. Новодворская

Послесловие

И вот «Один день» проходят в школе, а напечатан он много раз: отдельно, в антологии, в собрании сочинений, и давно вышел «ГУЛАГ», однако имя Сталина — по-прежнему «имя России», эта пронзительная вакцина не подействовала, иммунитета все еще нет. «Яду мне, яду!» — как писал Булгаков.

Александр Исаевич:

